

В глазах всех этих древних людей, что же такое брак на самом деле? Мне казалось, я прожила здесь так долго, что уже полностью постигла эту эпоху, но теперь вновь погружаюсь в глубокое смятение. Эти люди прошлого придают браку столь огромное значение, но при этом так пренебрежительно относятся к чувствам в браке. Они столь высоко ценят родных, но их эмоции считают чем-то ничтожным. Отец, мать, Ли Жуй — все они, без сомнения, очень любят и лелеют меня. Но эта слепая любовь порой вызывает у меня тревогу. Иногда мне кажется, что я не человек, а вещь, символ, вознесённый на пьедестал. Я — дочь матери, сестра Ли Жуя, высокопоставленная принцесса империи, но только не самостоятельная личность.

Самое печальное, что это заметила Вэй Хуань.

Я думала, что она, проведя со мной столько времени, постепенно поняла мои чувства. Раньше у меня было столько наивных мыслей, и никто не принимал их всерьёз. Лишь она одна старательно разбирала со мной все «за» и «против», пусть даже с насмешкой, но действительно вникала в мои размышления. Многое из того, что я говорила, я и сама знала — нельзя такое высказывать другим, но от неё я ничего не скрывала. И она тоже охотно хранила мои детские секреты, никогда не разбалтывала их, как это часто делали другие, чтобы потом обсуждать. Я думала, она понимает.

Я опустила взгляд и бесстрастно произнесла: «Не хочу».

Мать не стала настаивать, только погладила меня по спине и тихо сказала: «Ты ещё молода, обсудим это как-нибудь потом». Она сама проводила меня в боковой павильон, уложила в постель и, когда я уже устроилась спать, вдруг наклонилась и поцеловала меня в щёку.

Я уже давно отвыкла от такой близости с женщинами и смущённо посмотрела на мать, неуверенно позвав: «Матушка?»

Она ущипнула меня за щёку: «В детстве ты каждый день бегала за мной, чтобы я тебя поцеловала, без этого не засыпала. Твой брат аж зеленел от зависти. А теперь выросла — и не хочешь больше быть со мной близкой».

Я помню. Тогда мы с Ли Жуюем росли рядом с родителями. Поскольку они больше внимания уделяли ему, я, бывало, в обиду на брата нарочно приставала к родителям, обнимала их, требовала поцелуев. Ли Жуй обычно делал вид, что презирает такие нежности, и язвил в стороне: «Только вы, девчонки, любите выпендриваться, льнёте, никакого достоинства». Оказывается, он аж зеленел от зависти, и мать это заметила?

Мать, словно угадав моё недоумение, улыбнулась и тихо добавила: «Я говорила про второго сына».

Сердце моё ёкнуло. Я резко поднялась с постели, открыла рот, но не смогла вымолвить ни слова. Только смотрела, как мать развернулась и вышла, шаг за шагом — спокойно, величаво, как всегда.

На следующий день, ещё до рассвета, я отправилась напрямиком в Восточный дворец.

Я нарочно встала очень рано и велела доложить о себе как раз в час, когда Вэй Хуань обычно встаёт. Через некоторое время меня ввели внутрь. Я посидела несколько мгновений в приёмном зале, прежде чем увидела, как Вэй Хуань вышла в пурпурных одеждах и высокой причёске. Её укладка была неестественно аккуратной. Присмотревшись, я поняла — на ней сегодня парик. От искусственных волос и до мочек ушей, шеи, платья — всё сверкало и переливалось драгоценными камнями и нефритом. Макияж тоже был густым: лицо, шея, даже

чуть приоткрытая грудь — всё было покрыто ровным белым слоем, отчего весь её облик казался необычайно ярким и прекрасным. Вероятно, из-за всей этой тяжести на теле, она двигалась медленно, садилась с видимым усилием и даже говорила со мной с той особой, замедленной интонацией, что бывает у высокопоставленных особ: «Почему Тайпин не у матери, а ко мне пожаловала так рано?»

Я постаралась говорить почтительно: «Хотела кое-что с вами обсудить, апо». Но она лишь сидела и с улыбкой смотрела на меня, долго не отвечая.

Мне пришлось добавить: «Хотелось бы поговорить наедине». Она взглянула на придворную даму рядом, и та, опустив голову, доложила: «Госпожа Цуй и несколько других дам уже у ворот Цяньхуа».

Вэй Хуань снова повернулась ко мне, и на её лице появилась уместная в данной ситуации тень сожаления: «У меня сегодня дела, Тайпин. Может, поговорим в другой раз?»

Я сдержала раздражение: «Это ненадолго». Видя, что она всё ещё не воспринимает это всерьёз, я опустила глаза: «Знаю, вы заняты, но это не личное дело. Вам лучше выслушать».

Она помолчала, а затем отпустила прислугу. Я хотела приблизиться, но едва встала, как она подняла на меня взгляд: «Говорите оттуда».

Я медленно замерла на месте, остановившись в пяти-шести шагах от неё, и пристально на неё посмотрела. Издалека не разглядеть, но на таком расстоянии стало видно, что даже слой пудры не может скрыть усталости на её лице. За последнее время я немного поправилась, а она стала ещё худее, чем несколько месяцев назад. И при этом так пышно разодета — вся она казалась ребёнком, наряженным во взрослые одежды.

Я наконец-то отчасти ощутила то, что, должно быть, чувствовала она, когда навещала меня после свадьбы: ту смесь ненависти и жалости, что сплетаются в сердце, не разобрать, чего больше, — и оттого любое из этих чувств разрывает душу.

Я опустила руки, сжала пояс платья и тихо произнесла: «Я лишь хочу напомнить тебе: шестой сын, как ни крути, всё же сын матери. Так же, как... и второй».

Вэй Хуань высоко подняла подбородок: «Второй сын — всего лишь наследный принц. А шестой уже взошёл на престол».

Я тоже подняла подбородок: «Если ты действительно так думаешь, почему до сих пор живёшь в Восточном дворце и не решаешься переехать в Восточные покои?»

Лицо Вэй Хуань потемнело: «Неужели все твои уловки последних дней — лишь для того, чтобы сказать мне то, что и так все знают?»

Я ответила: «Не только. Я хочу сказать тебе... что бы ни случилось, оставайся в столице. Я помогу тебе».

Она холодно усмехнулась: «Ты хоть понимаешь, что несешь, чтобы так разглагольствовать?»

Я закрыла глаза: «Конечно, понимаю. Можешь передать эти слова шестому сыну или матери. Но я уверена, ты не посмеешь». Стоило это озвучить — и это было бы равносильно разжиганию войны между матерью и Ли Жуем. Уж такая ли она глупая, чтобы на такое пойти?

Она опустила взгляд, протянула руку и провела пальцами по ленте, свисающей с нижней юбки. Спустя мгновение на её лице возникла нарочито-искусственная улыбка: «Ты проиграла».

Я поняла, о чём она. В конечном счёте, это я переживала больше. Но то, что она решила соревноваться в подобном, — кто же в итоге победит, ещё неизвестно. В душе моей забрезжила слабая надежда. Я нарочно склонила голову набок и тоже одарила её сияющей улыбкой: «Ногти у апо превосходно окрашены. Давно красите? Как-нибудь обязательно приду к вам перенять это искусство».

Она ответила с каменным лицом: «А разве ты не имела привычки не отращивать ногти?»

Я улыбнулась: «Не отращивала — это ради вас. А теперь отращиваю — ради мужа». И тут же увидела, как она сжала кулак и сломала ноготь на указательном пальце правой руки, выкрашенный в ярко-красный цвет.

Не знаю почему, но в этот момент я почувствовала и грусть, и... странное удовлетворение.

На выходе я встретила госпожу Цуй и трёх сестёр Вэй Хуань. Поскольку они были родственницами супруги наследного принца, невежливо было бы пройти мимо, и я остановилась, чтобы поприветствовать их.

Госпожа Цуй была в одеждах заслуженной дамы пятого ранга. Вэй Синь, Вэй И и Вэй Си, хоть и не имели титулов, были также одеты в алые платья. Приветствуя их, я особенно внимательно рассмотрела Вэй Синь. Она слыла известной красавицей, и из-за хромоты её лицо приобрело болезненную бледность, отчего она выглядела ещё более кроткой и утончённой — будь её нога цела, быть может, супругой наследного принца стала бы не Вэй Хуань, и не было бы всех этих событий. А если вспомнить, что её травма была нанесена именно Вэй Хуань, невольно закрадывалось сомнение: а действовала ли та тогда лишь из мести или же... преследовала иные цели?

Госпожа Цуй выглядела весьма доброжелательно, держалась наполовину как старшая родственница, наполовину как подданная и обстоятельно обсудила со мной погоду и виды. Вэй Синь лишь молча опустила голову. Вэй И и Вэй Си тоже были от наложниц, примерно одного возраста с Вэй Хуань. Вэй И ещё сохраняла некоторую аристократическую осанку, внешность у неё была выше среднего, манеры — довольно изящные, и она могла поддержать со мной беседу. Вэй же Си была невзрачной и держалась скованно. Если судить лишь по внешности, то среди четырёх сестёр Вэй, пожалуй, Вэй Синь была на первом месте — недаром она от клана Цуй из Цинхэ. Но если говорить об уме и такте, то, вероятно, Вэй Хуань была лучшей. Увы, в мире мало тех, чья внешность соответствует внутреннему содержанию, а уж тех, кто сочетает в себе и ум, и красоту, да ещё и высокую нравственность, — таких, быть может, и вовсе один на миллион.

<http://bllate.org/book/16278/1466915>